

1.

Июнь 1982 года. Ленинград

Такой пачки денег я ещё никогда не держал в руках. Новёхонькие, хрустящие рыжие червонцы с овальным портретом Ленина были вдоль и поперёк перехвачены полосками банковской бумаги. С оттиском «1000 рублей», заверенным подписью кассира. Все эти подробности я с наслаждением разглядел заранее, поэтому сейчас просто небрежно кинул пачку на крахмальную скатерть.

— Спрячь! — всполошился Витька Зяблицкий. — Может, лучше пойдём отсюда?

Непривычного Зяблика угнетала обстановка солидного ресторана: яркий свет и надменные официанты, изобилие массивных вилок и ножей на столах.

— Нормально! — возразил Валет. — Хоть на официанта впечатление произвели. Он на нас косился, теперь подбежит как миленький!

Равнодушным тоном Валет старался продемонстрировать недовольство, что я опоздал на встречу и заставил себя ждать. Он-то чувствовал себя в «Поганке» (так все называли ресторан гостиницы «Центральная») как рыба в воде и мог бы не морщиться. Я ведь не где попало болтался, а прокрутил самую рискованную часть нашего дела.

— Как прошло? — небрежно спросил он.

«Как прошло?!» — мысленно возмущился я. «Мне только что заплатили больше, чем мой отец зарабатывал в своем конструкторском бюро за полгода!» Но невольно я и сам втянулся в небрежно-равнодушный тон.

— Я этому Аслану на год гарантию пообещал. Чтобы если какая поломка, он не вздумал сам лезть внутрь магнитофона, а сразу мне звонил. Рассказал, что у японцев

система — стоит открыть крышку, и все детали зальёт кислотой. Так фирма «Sony» охраняет свои технологии, — я с удовольствием похвастался своей остроумной выдумкой.

Это была моя идея — сделать самопальный магнитофон и продать его как фирменный «Sony». Разделение труда между нами было чёткое. Витька — мой ближайший друг, который в институте писал за меня диплом, всегда был способен спаять космический корабль из старой швейной машинки и остатков водопроводной трубы. На нём была конструкторская мысль и техническая сборка. На мне — общее руководство процессом плюс впаривание аппарата клиенту. Валета — начинающего инструктора райкома комсомола — я бы вообще не брал в дело, но без его связей не удалось бы достать фирменные лейблы «Sony» и некоторые японские детали.

Благодаря Витькиному техническому гению мы, кстати, не особенно обманули богатого кавказца. Он получил отличный магнитофон. Звук нашего аппарата был не хуже японского, да и сломаться он не должен (по крайней мере первое время). Просто не имеет права! Ведь у Асланбека обнаружилась куча соплеменников, обожающих эстрадную музыку и готовых выстроиться в очередь за нашими псевдояпонскими магнитофонами.

— Дело пошло! Завтра в двенадцать этот Аслан приведёт какого-то своего земляка! Из нашей тысячи завтра сотку заплатим фарцовщикам за фирменный каталог «Sony» для отвода глаз, ещё сколько-то за детали. Витя, успеешь за неделю второй аппарат спаять? — я торопился вполголоса выпалить компаньонам новые грандиозные планы.

Но пришлось прерваться. Над нами склонился официант.

— В семь часов оркестр начинает музыкальный вечер. Сегодня у нас поёт Ева Томашевская, — со значением

предупредил официант, кивнув на музыкантов, настроивших инструменты в глубине эстрады.

— Ну так мы посидим? — пожал плечами Валет, оглядываясь на нас.

Я иногда потом думал, что если бы мы не остались тогда в «Поганке» после семи, вся моя жизнь могла сложиться иначе... Может, стоило вовремя уйти? Трудно сейчас сказать. А тогда я был просто окрылён нашим первым успехом.

— Я что-то не пойму, Серёга, — поморщился Валет. — Почему мне только треть бабок? Без сендастовых магнитных головок, которые я вам достал, магнитофон был бы просто фуфло... А без японского корпуса ты бы аппарат никогда не толкнул за тысячу. Максимум пятьсот. Несправедливо как-то получается?

— Может, поменяемся? Ты вместо меня возьмёшься самопал хачикам толкать? — поинтересовался я. Злобрало — хорошие деньги сами шли в руки, а мы уже начали спорить из-за мелочей.

— А теперь ты хочешь сразу чуть не половину суммы ухнуть неизвестно куда, ещё и каталог какой-то! — не унимался Валет.

— Если не нравится, можем и без тебя обойтись, — эти препирательства уже начали мне надоедать. — Фарцовщики мне предлагали точно такой же корпус достать, причём дешевле, — соврал я для надёжности.

Пока Валет призадумался, я тоже взял паузу, демонстративно повернувшись на звук заигравшего вступление оркестра. И замер, поражённый. В тот вечер Ева Томашевская, царившая на эстраде, была немислимо хороша. Рыжие кудри, стиснутые заколкой, упрямо не желали томиться в заточении, одна прядка всё время сваливалась ей на бровь, и певица отправляла её обратно грациозным движением тонкой руки. Точёная фигурка угадывалась под лёгким платьем из алого шёлка, протроченного какими-то блёстками. Кстати, такие же блёстки сверкали

и в её волосах... Стоило увидеть её на эстраде — и я погиб! Совсем пропал!

— Где-то на белом свете, там, где всегда мороз! — запела Ева. А я сидел, онемевший, пытаюсь понять, как в таком миниатюрном теле может скрываться такой пьянящий голос? Мурашки побежали по коже. — Трутся спиной медведи о земную ось... — Я даже представить себе не мог, что тогда ей уже исполнилось тридцать. Выглядела Ева Томашевская, словно школьница.

— Зря пялишься. Не твоего полёта птичка, — не одобрил моего взгляда Валет. — За то, чтобы наши желания всегда соответствовали нашим возможностям! — предложил он издевательский тост, разлив водку по рюмкам.

— Не желаете приобрести букет для дамы? — раздался над моим ухом скорбный голос.

Рядом с нашим столиком как из-под земли возникла седенькая старушка, аккуратным видом похожая на пожилую учительницу на пенсии. Периферийным зрением я отметил, что где-то за её плечом маячил наш официант. В корзиночке у старушки покоились вялые пучки чайных роз.

— Двадцать пять рубликов, — тем же скорбным тоном промолвила бабуля.

— Скока-скока?! — возмутился Витька Зяблицкий, который успел слёгка сомлеть от выпитой водки. — Это же пять бутылок водки!

Я уже собрался отказать хищной тихушнице, но передумал. Всё-таки Валет зацепил меня своим снисходительным тоном. Было бы слишком паршиво не принять такой вызов, когда карманы набиты деньгами, а настроение великолепное после одержанной победы.

Дальше начался чистый экспромт. Отсчитав старушке червонцы, я через секунду с цветами в руках оказался подле Евы.

— Хотите, чтобы я спела песню, молодой человек? — своим неповторимым голосом с хрипотцой спросила

Томашевская. — Как зовут молодого гусара? — поинтересовалась она, поднеся букет к самому лицу и не сводя с меня ласковых глаз.

— Сергей, — ответил я.

— А эта песня исполняется для Сергея! — объявил на весь зал клавишник.

Я вернулся, не глядя на примолкшего от зависти Валета. И вечер помчался, как на крыльях. Ева пела, мы праздновали свою первую удачную сделку. Посетители ресторана — а «Поганка» была в тот вечер набита под завязку — шумели всё громче. И наступил момент, когда Ева спустилась за ближний к эстраде боковой столик, накрытый для музыкантов, и закурила — у неё начался короткий перерыв. А оркестр заиграл медленное танго.

— Кавалеры приглашают дам! — объявил пианист.

Десять шагов до её столика я молился, чтобы никто из подвыпивших гуляк не рискнул пригласить Еву раньше меня. Но в тот вечер мне фартило. И уже через минуту, задыхаясь от волнения, я обнимал Томашевскую, покачиваясь в медленном танце. И смотрел в её невероятные искрящиеся глаза.

Девушки-ровесницы на меня заглядывались всегда. Не то чтобы я был особый красавец или завязанный балагур. Так, средней внешности, но крепкого телосложения, стригся коротко, одевался просто. Но что-то девушки во мне находили. Обычные девушки. С ними я был в себе уверен. Но ведь Ева была звездой! С такой женщиной я впервые находился рядом.

— Знаете, Сергей, — первой заговорила она. — С вами так приятно просто молчать... Если бы вы знали, как я устала от болтливых и самовлюблённых ухажёров... А в вас чувствуется какая-то надёжность...

Её ладонь скользнула вдоль моего плеча к шее. Она поворошила тонкими пальчиками ёжик моих волос на

затылке. Вдоль позвоночника сразу побежали мурашки. А ещё и её пряные духи!..

Музыка кончилась, оркестранты взяли перерыв, и я рискнул пригласить Еву за наш столик. А она согласилась!

— Гриша! Солнышко! — попросила она официанта, который уже был тут как тут. — Пожалуйста, принеси шампанского. Возьми из директорского запаса. Моё любимое, тбилисского разлива. И ещё икры хочется. К шампанскому ведь подают чёрную икру?..

— Ева, голубушка, но это же двойной тариф?! — как бы переживая, развел руками официант.

— Ерунда, несите! — велел я.

— Сделай для меня, Гришенька, — и она послала официанту довольно вульгарный воздушный поцелуй.

— Что празднуем, молодые гусары? — поинтересовалась певица. Достав сигарету, она не попыталась прикурить её сама и не попросила огонька у нас. Она как бы забыла про неё. Просто держала фирменное «Мальборо» на отлёте в тонких пальчиках, но уже через секунду некурящий Зяблик, схватив мою зажигалку, яростно чиркал и сопел от напряжения — с непривычки огонь ему удалось добыть не сразу.

Ева оказалась очень лёгкой в общении. Она охотно смеялась и пила шампанское быстро и до дна. Валету, которого она практически игнорировала, оставалось только разыгрывать надменность. Зато друга Витьку я впервые видел в таком состоянии. Технический гений и безнадежный девственник Зяблик даже что-то мычал, изо всех сил стараясь обратить на себя её внимание.

Потом Томашевская вернулась пить к микрофону. А я остался сидеть в ауре блаженства. Потому что знал — сегодня самый удачный день в моей жизни. Я не сомневался, что сегодня Ева будет моей. Она недвусмысленно провела под столом ногой вдоль моей ноги, причём

сделала это дважды! Официант выбился из сил, обслуживая нас. А я заторможенной алкоголем головой пытался сообразить, куда же можно повести такую роскошную женщину на ночь.

Но в этот момент в зале раздался шум. Головы разом повернулись в сторону входа, где кто-то скандалил. Переругиваясь со швейцаром, в ресторан не вошёл, а скорее влетел человек, одетый во всё белое.

В Советском Союзе было не принято носить белые костюмы. Их не шили и нигде не продавали. Не сказать, чтобы это было противозаконно, но такой шик в одежде отдавал вызовом обществу и всей системе. Но этот тип не просто был одет в элегантную белую тройку. Всю эту роскошь венчал шёлковый белый шарф, небрежно заброшенный за плечо.

— Алёша!.. Алёша!.. — пронёсся по залу шёпоток.

— Алёшка, чёрт! — воскликнула, забыв про микрофон, Ева Томашевская, прервав песню на полуслове.

Тип в белом костюме легко лавировал между облепленных посетителями столиков. Чувствовалось, что он здесь свой и знаком половине завсегдатаев. Когда он танцующей походкой скользнул мимо нас, я успел разглядеть, что этот Алёша высок ростом, тощ и сутул. На вид — лет сорок. Жидкие и длинные прямые волосы были зачёсаны назад, не скрывая залысины, как у секретарей обкомов КПСС из старых фильмов. Его худое лицо выглядело бы классически некрасивым, если бы не потрясающая улыбка, растягивавшая рот практически до ушей.

— Этого пижона я здесь раньше не видел, — небрежно бросил Валет.

— Вы, молодой человек, осторожнее с такими словами, — вполголоса предупредил официант. — Это Алёша Козырный. Настоящий король ресторанной и блатной песни. Любимец публики. Откуда только взялся?.. Около года его здесь не было.

— Алёша! Спой!.. — крикнул кто-то из глубины зала.

Однако Алёша добрался до столика, накрытого для оркестра, и плюхнулся на стул, как будто это было единственной целью долгого и многотрудного пути. Схватив бутылку «Алиготе», он сосредоточенно набулькал себе целый фужер и принялся сразу пить крупными глотками. Выпирающий кадык на его шее заходил ходуном. Музыка прервалась. Оркестранты обступили гостя со всех сторон, дружески обнимая и похлопывая по спине. В кабаке все оказались в восторге от появления этого типа!

— Алёша!.. Спой! — чарующе женственный голос Евы Томашевской произнёс это в микрофон.

Но наглый Алёша даже на такой призыв только мотнул головой и показал сдвинутые большой и указательный пальцы, как если бы просил подождать самую чуточку. Но музыканты поняли его иначе. Один из них налил маленькую рюмку водки и поднёс певцу. Тот эффектно махнул сорокаградусную и лёгким полупрыжком вскочил на эстраду.

У микрофона Алёша распахнул объятия во всю ширину своих длинных и тонких рук с огромными кистями, словно приглашая Еву упасть к нему на грудь. И, что мне уже совсем не понравилось, она прыгнула в его объятия стремглав, словно давно этого дожидалась. А он обхватил её, словно укрывая от чужих глаз белым балахоном своего пиджака, и ещё что-то шептал на ухо неприлично долго.

Затем Алёша шагнул вплотную к микрофону и принялся регулировать стойку под свой рост. Ведь он был выше изящной Евы на голову или больше. И только потом объявил:

— Ну! По просьбам трудящихся!..

Басист кивнул и ударил по струнам, а его сосед стремительными пальцами пробежался по клавишам.

— А-а лучше быть богатым, но здоровым! И девочек роскошных целовать! И миновать тюрьмы замок суровый!

И белые костюмы надевать! — голос Алёши игриво раскатился по ресторану под задорную ритмическую мелодию.

Я не очень понимал публику в зале. Как вообще можно танцевать под такой «блатняк»? Но все ринулись в пляс. Солидные дядьки, только что смачно поглощавшие цыплят табака, резвились на пяточке перед эстрадой, так и не вытащив салфетки, засунутые под воротники. А дамочки, которым уже давно пора бы подумать о душе (или, как минимум, о фигуре), с гиканьем крутили юбками, изображая страстных цыганок. Сам я не находил прелести в этом дворово-хулиганском стиле. Слушал его через силу, когда папаша в подпитии начинал крутить своего Высоцкого.

Мне было не по душе пение Алёши и этот пьяный шабаш. Но хуже всего, что Ева Томашевская напрочь забыла про меня. Сколько я ни смотрел — ни разу не поймал её взгляд. Как только появился этот Алёша, я для неё словно перестал существовать.

— А ты её икрой кормил. Столько денег попусту угрохал, — не скрывая торжества, принялся сочувствовать Валет.

Ещё полчаса я пил рюмку за рюмкой и терпел многозначительные ухмылки Валета. Ресторан уже должен был закрыться, но Алёша выдавал песню за песней, публика не расходилась.

— Что это он такое сейчас запел? — недоумевал сильно захмелевший Витька. — «Комиссары девочек наших ведут в кабинет»?.. Белогвардейщина какая-то?

— Поручик Голицы-ын, раздайте патроны! Корнет Оболенский — надеть ордена! — со слезой выводил певец медленную песню. Голос его надрывно дрожал.

— Сейчас ему растолкуют, что можно петь, а что нельзя даже в шутку. Вон те люди в штатском. Они из «конторы», — вполголоса пообещал Валет.

— КГБшники здесь? — поразился пьяный Витёк. Он даже привстал, рассматривая зал. — Покажи?! Где КГБшники?!

— Сядь быстро, — зашипел на него Валет. — Всё! Пора валить отсюда. Добром это не кончится. Дайте счёт! Какие триста рублей?.. Откуда?!

Витька тоже засобирился — он боялся, что мосты вот-вот разведут, и он не доберётся домой. Валет спорил с официантом относительно нашего счёта, который вдруг оказался трёхзначным.

— В конце концов, это ты заказывал икру и прочую роскошь, — нашёл он выход и протянул счёт мне. — Я по-честному оставляю тридцать рублей за то, что сам съел и выпил, а остальное оплачивай из своей доли.

Я машинально взял листок, сверху донизу исписанный неразборчивыми карандашными каракулями, не глядя, сунул в карман и двинулся к эстраде, с трудом проталкиваясь через медленно танцующие пары. Не мог же я уйти, не расставив все точки над «і».

Сначала я просто стоял перед эстрадой, всем своим видом показывая Томашевской, что пора бы уже меня заметить.

— Ева! — позвал я, стараясь перекричать динамики. — Е-е-ва!

Ноль внимания с её стороны!

Но зря они меня недооценивали. Шнур от микрофона был включён в удлинитель, который тянулся по полу дальше, к усилителям. Я лёгко дотянулся до шнура и отключил его. Микрофон умер. Голос певца осёкся на полуслове. В зале возмущённо зашумели и засвистели.

Только после этого меня, наконец, изволили заметить.

— Сейчас я тебе руки вырву! — в бешенстве заявил Алёша. И двинулся вперёд, воплощать свои агрессивные намерения.

Точнее, не двинулся, а покачнулся. Он стискивал стойку микрофона, наваливаясь на неё всем телом, потому что был уже пьян настолько, что не мог стоять на ногах, ни на что не опираясь. Вдобавок его белый пижонский

шарфик обмотался вокруг стойки и потянул её за собой. Электропроводку коротнуло. И певец судорожно дрыгнулся, пронзённый электрическим разрядом. Музыканты подхватили его на лету. Но Алёша всё никак не хотел успокоиться. Он вырывался, размахивал руками, словно дрался со мной вслепую. Эти его потуги выглядели такими жалкими, что моё недавнее бешенство отступило и стало смешно. Как это я секунду назад чуть было не полез в драку?!

На плечо мне легла мощная лапа швейцара.

— Заплатите по счёту, молодой человек! Иначе милицию вызовем, протокол составим за ваше хулиганство, — пробасил швейцар.

— Зачем органы звать, когда они давно здесь, — мне всё ещё было весело. На глазах у публики я отсчитывал новенькие червонцы, казавшиеся бесконечными, и не боялся любого поворота событий. — Госбезопасность весь ваш концерт внимательно слушала, им и свидетелей не надо...

— Как госбезопасность? — встревожилась Томашевская и посмотрела на меня, точнее проводила взглядом пачку денег, которую я вернул в карман пиджака. Кстати, на ощупь червонцев осталось гораздо меньше, чем я рассчитывал.

— Подумаешь, КГБ! Сейчас ещё «Чёрную моль» спою! — мычал невменяемый певец, порываясь вернуться к микрофону.

— Тебе же в Киеве гонорар заплатили! Если заберут — лишишься всех этих денег! — зло тряхнула его Ева. — Ты этого хочешь? Лучше мне деньги отдай — сохраннее будут!..

Но певец уже только молча пошатывался. От столиков в зале нас всё ещё загораживала толпа посетителей, жаждущих продолжения дискотеки. Поэтому мы не могли видеть сотрудников грозной спецслужбы. Но и им нас не было видно.

— А вы, молодой человек, с характером, — моментально сориентировалась Томашевская, подхватывая меня под локоть. — Потапыч нас выведет через чёрный ход. Зачем нам лишние неприятности? — Похоже, она успела забыть, как меня зовут, хотя ещё полчаса назад мы были на «ты». — Играйте что-нибудь, мальчишки! Пусть все танцуют! — махнула она ансамблю.

Могучий швейцар вывел нас троих через помещение опустевшей кухни, где ещё ощущался жар плит и чад подгоревшего масла, в вестибюль ресторана. При этом Ева влокла под руку вдребезги пьяного Алёшу, который в своём белом костюме то и дело наткался на столы с грязной посудой и кадки с огромными фикусами, изображавшими здесь пальмы. Не отпуская сомлевшего кавалера, другой рукой Ева удерживала меня.

На улице пары вдохов свежего ночного воздуха хватило, чтобы алкоголь закружил и мою голову. До сих пор я держался нормально, но теперь понял, что меня тоже вот-вот развезёт. Над Ленинградом стояла июньская белая ночь — время замерло. Ева Томашевская, осмотрелась по сторонам, не скрывая разочарования.

— Предлагаете проводить даму, а сами без машины. Фи!.. — фыркнула она, снова мгновенно потеряв ко мне интерес. — Какой же вы гусар?

Ева даже отвернулась и принялась трясти и без того шатающегося Алёшу, опять спрашивая о каких-то деньгах, при этом она вполголоса ахала и возмущалась. А певец довольно нелепо разводил руками и даже пытался вывернуть наизнанку белые карманы.

Упрёк Евы обжёг меня стыдом, как пощёчина. Действительно, на тротуаре меня дожидались только Зяблик и Валет. Точнее, Валет задержался поздороваться с неприятным типом, небрежно припарковавшим у тротуара последнюю модель «Жигулей». Снисходительно кивнув Валету, тип уже поднимался по ступеням ресторана под

ручку с ярко окрашенной девицей. Причём он старался шагать на ступеньку впереди, так меньше бросалась в глаза разница в росте. Девица была выше на полголовы.

— Вот как надо жить, не размениваясь на мелочи, — с завистью кивнул Валет вслед поднявшемуся в ресторан типу. — Старший товарищ. Инструктор идеологического отдела обкома. Мне бы так когда-нибудь!..

— Ресторан всё равно закрыт, — буркнул я. — Зря он приехал...

— Откроют, стоит ему глазом моргнуть, — обнадёжил Валет. — Он даже машину не запирает. Весь район — его вотчина! Уж он-то не потратит весь вечер, обхаживая певичку, и чтобы она ему ещё потом не дала!.. — съязвил Валет явно от зависти.

Я с трудом подавил закипавшую ярость. Такому, как Валет, не дано понять, что победить человека, у которого хватает смелости дерзнуть — невозможно! Тем более сегодня, когда весь день дразнит удача — я не собирался её упускать. На глазах оторопевших Витьки и Валета я молча сел за руль оставленных «Жигулей».

Год назад я наблюдал, как знакомый автомеханик на спор доказывал, что любые «Жигули» можно завести без ключа. Я снял машину с ручника и резко выкрутил руль до упора. И даже задержал дыхание — важно было не перепутать ни одной мелочи, повторяя его главный фокус. Раз! И не успевший остыть мотор действительно зажёлся.

— Ева! Машина есть! — крикнул я, приоткрывая переднюю дверцу.

Томашевская даже не потрудилась заметить, каким невероятным образом у меня вдруг образовалась машина. Они с Алёшей просто разместились на заднем сиденье.

— Серёжа, у тебя есть деньги с собой? — Наконец-то ей удалось вспомнить моё имя! — В «Прибалтийской» гостинице генеральский люкс — роскошное место...

— Серёга, ты что творишь?! — от испуга Валет даже попытался перегородить мне дорогу.

— Не суетись! Я только покатаюсь взял, через пятнадцать минут верну обратно. Твой старший товарищ и заметить-то не успеет, — шёпотом объяснил я через окошко.

Я помню наслаждение, которое испытывал, кое-как тронувшись с места и победно объезжая Валета, окаменевшего от страха.

— Учти — ты ничего не видел!.. — подмигнул я ему на прощание.

2.

Я проснулся от того, что почувствовал неладное.

Открыл глаза и сразу подскочил как ошпаренный. Больше всего меня потряс вид бронзовых канделябров, поддерживавших электрические свечи, вместо обычных настенных ламп. Парчовые шторы с толстыми кистями преграждали путь солнечному свету. Раньше такие шторы мне доводилось видеть только в актовом зале института. Но это был не актовый зал, а роскошная спальня, где я находился один.

«Генеральский люкс»! Теперь я вспомнил! А ещё вспомнил, где и сколько вчера платил, и мне окончательно стало не по себе. Я лихорадочно сгрёб одежду, валяющуюся на полу вокруг кровати, но своего пиджака почему-то не обнаружил. Жгуче захотелось эвакуироваться отсюда как можно быстрее и незаметнее.

Из-за закрытой двери доносилось какое-то странное пошвыкивание. Там точно кто-то был и, казалось, что-то делал украдкой. Я пригладил ладонью всклокоченные волосы, потихоньку надавил на ручку двери — а она была тяжёлая, металлическая и с завитушками, как те чертовы канделябры — и шагнул наружу.

Посреди залитой светом гостиной, опершись локтем на край чёрного рояля, сидел высокий сутулый тип в расхристанном белом костюме. Вчерашний певец из ресторана, Алёша, я его вспомнил. На зеркальной полировке рояля перед ним выстроилась батарея бутылок с неизвестными мне импортными этикетками. Тип наливал себе пиво в большой фужер из тонкого стекла. Он тщетно старался не задевать горлышком о край фужера — руки слишком тряслись.

— Пивка? — как будто старого знакомого, спросил певец, стоило ему заметить моё появление.

— Мне бы умыться, — пробормотал я, слегка робея, но уже успокаиваясь — по крайней мере, потерянный пиджак обнаружился здесь, в гостиной, он валялся на кресле.

Стоя перед огромным зеркалом в ванной комнате, я вспомнил вчерашнее и ужаснулся — как за один вечер умудрился разом ухнуть такую кучу денег? В ресторане я оставил всю свою долю от сделки. А этот роскошный генеральский люкс оплачивал уже из средств Витьки Зяблика, которые тот доверил мне на развитие нашего общего бизнеса. Внутри закипала досада на самого себя, на все пьяные глупости, которые успел вчера натворить.

И вот тут меня настиг последний, самый худший обрывок воспоминаний. Вчера я приехал сюда на автомобиле. Который угнал! Нет — взял покататься. И не отдал. Господи! Сделай чудо, чтобы это было не со мной! Чтобы всё это оказалось только дурным сном. Я прислонился лбом к холодному зеркалу и зажмурился. Меня грызла раскаяние немыслимой силы.

Но слабость я себе позволил не больше чем на минуту. Раз деньги улетели — значит, надо заработать их снова. Главное — как можно скорее и незаметнее исчезнуть из этой роскошной гостиницы. Сегодня в двенадцать встреча с Асланом и его соотечественником. Если быстро купить японский каталог и показать кавказцам, можно попробовать не

только договориться о новой сделке, но и взять половину денег сразу. Ещё можно начать всё заново. А дальше уж как-нибудь наладится. На крайний случай у меня вчера точно были отложены последние сто рублей.

Я засунул руку во внутренний карман пиджака, но он оказался пуст. Под ложечкой нехорошо похолодело, в очередной раз за это утро. Я обшарил боковые карманы — пусто. Залез в карманы джинсов — только мелочь... При этом я точно помнил, как последнюю сотню упрятал подалее и пообещал себе не трогать. Дошло до того, что в пустой ванной комнате, я снял штаны и пиджак, перетряс всё, стоя в одних носках — денег не было. А в душе поселилось смутное подозрение, что меня обокрали. Я слышал про такие истории, когда жулики напоят человека, а потом обирают.

— У меня деньги были, сто рублей. Теперь их нет, — сказал я, вернувшись в гостиную, с трудом переведя дух.

Я встал в метре от этого Алёши и заглянул ему прямо в глаза. Особых поводов предъявить ему обвинение в воровстве у меня не было, зато решимости — хоть отбавляй. Я понимал: если почувствую, что он врёт и отпирается — просто заеду ему в морду.

— Так это я позаимствовал! — радостно признался Алёша. — Ты извини, я сразу не успел сказать. Занят был, — и певец жадно приник губами к фужеру, не обращая больше на меня внимания.

— Они же у меня далеко в кармане были спрятаны? — не понял я.

— Ну, я с утра зашёл, вижу — ты спишь. Думаю, зачем будить хорошего человека? А у меня трубы горят — сил никаких нет. Ну, и позаимствовал денежку. И вот — пиво заказал. Я же тебе сразу пивка предлагал.

Его уверенность, что всё нормально, взбесила меня ещё сильнее, чем сознание, что этот тип тайком шарил у меня по карманам! У меня не было слов. Зато, видимо,

появилось, что-то такое во взгляде, от чего Алёша забеспокоился.

— Да ты не напрягайся, генацвале! — почему-то он назвал меня на грузинский лад и развел руками, пытаясь изобразить виноватую улыбку. Но вышло наоборот — его похмельённая рожа выглядела чересчур довольной. — Всё классно будет! Ко мне в двенадцать часов Василич придет, гонорар привезёт, и я тебе мигом отдам. А пока выпей пивка, расслабься...

Зря он взял этот тон. В следующее мгновение я уже держал его за лацканы пиджака и орал:

— Какие 12 часов?! У меня встреча в 12! Мне сейчас деньги нужны!..

Тут я тряхнул его так сильно, что фужер полетел на пол и с нежным звоном разбился, а недопитое пиво растеклось по ковру. Это немного утихомирило меня. Хватило ума понять: если сейчас начнутся разборки с гостиничной администрацией — мне не успеть к полудню, ни с деньгами, ни без денег. И Аслан с соотечественником впустую прождут меня у Пяти углов.

— Давай что осталось, — потребовал я.

Он без сопротивления немедленно полез в карман, и извлёк оттуда одну маленькую и смятую бумажку салатного цвета.

— Что это? — опешил я.

— Трояк остался... Тут в буфете пиво импортное — «Будвайзер» по пятнадцать рублей бутылка. Вот и получилось... — оправдывался Алёша.

То есть он признался, что за утро сумел истратить ползарплаты среднего советского гражданина?! Когда в магазине бутылка «Жигулевского» стоит пятьдесят копеек. А эта сволочь без спросу истратила мои последние деньги на «Будвайзер» по сумасшедшей цене. А если к этому добавить страх и злость на себя из-за глупости с чужой машиной, вы понимаете — я просто обязан был дать ему в рыло.

Но не дал. Потому что в двери номера зашла полная немолодая горничная с огромной охапкой роз.

— Поставь на рояль, Никитишна, — попросил Алёша, не теряя самообладания.

Горничная с розами степенно прошествовала к чёрному роялю. По пути окинув неодобрительным взглядом остатки разбитого бокала.

— Вот ведь никак нельзя, чтобы не напакостить! — принялась браниться тётка. — Кто теперь гостинице за бокал из чешского стекла компенсирует? У меня его из зарплаты вычтут! — Она упёрла руки в бока, и её глаза навывкате сверкали гневом.

— Не сердись, Никитишна! Сейчас мне привезут гононар — решим все вопросы. Ещё внукам потом рассказывать будешь, каких артистов у себя в генеральском люксе принимала.

— Бардак разводить все вы артисты, — проворчала неугомонная Никитишна. Она явно не собиралась уходить и только переводила выразительный взгляд с роз на Алёшу.

Он тяжело вздохнул, снова извлёк из кармана последнюю трёхрублевку, и, виновато глядя на меня огромными грустными глазами, протянул бумажку сварливой бабе.

— Пора номер освободить. Уже начало двенадцатого! — огрызнулась, уходя, старая халда. — Директор «Тяжмаша» из Днепропетровска с супругой заселяется.

Начало двенадцатого! Это была катастрофа. Я осторожно сдвинул тюлевую занавеску и глянул вниз, на тротуар перед гостиницей. Где-то в глубине души ещё теплилась надежда, что вчерашний эпизод с «Жигулями» мне померещился спьяну и никакую машину я на самом деле не угонял.

Но то, что творилось внизу, заставило мгновенно отпрянуть от окна. Мои молитвы не были услышаны — чуда не произошло. Проклятые «Жигули» стояли прямо перед

фасадом «Прибалтийской». Причём ночью я криво припарковался. Заехал передним колесом на бордюр, опрокинул урну и, похоже, помял крыло машины. И вот это безобразие как раз рассматривали сразу три милиционера. Точнее, двое интересовались покалеченной машиной, а третий, запрокинув голову, оглядывал окна гостиницы. Я отпрянул быстро, но всё равно не был уверен — заметил он меня в окне или нет.

— Алёшенька! Это мне такая роскошь!?. Внимательны-ый!..

Из второй спальни лёгкой походкой выпорхнула Ева Томашевская. Промокая полотенцем влажные волосы, она сразу же подбежала к роялю и принялась рассматривать цветы. То есть этот гад ещё и поднялся в её глазах, истрапив на розы мои последние деньги!

И только одно мстительное воспоминание скрасило мне все кошмары этого утра. Вчера, когда мы, пьянющие, завалились в этот номер, Ева буквально затолкнула меня в одну из спален:

— Иди, спи!

Уверенный, что она меня бросила ради своего певца, я мгновенно вырубился. Так бы и спал в одежде, если бы через некоторое время не почувствовал прикасающееся ко мне лёгкое маленькое тело.

Тело было женское, горячее. И оно было совсем голое. Мне даже ничего не надо было делать, её руки сами ловко раздевали меня. Но я всё равно приподнял голову и, стараясь изобразить строгий прищур, спросил:

— А как же твой Алёша?..

— Спит Алёша, дрыхнет, — пробормотала она. При этом дыхание у Евки перехватывало — она была уже сама не своя от желания. — Нажрался, скотина, и заснул. Теперь его не поднимешь. И вообще он мне не нужен. Я тебя люблю! Какое счастье, что мы встретились... — и она припала к моей груди, изображая нежность. А её проворные

пальцы ни на секунду не останавливались, расстёгивая брючный ремень

Но женщина не должна была вот так бросать меня, а потом возвращаться, удовлетворяя минутные капризы. Я хотел компенсации морального ущерба. Поэтому приподнялся на локтях и сказал.

— Если уж ты меня сюда притащила — извольте к роялю, милая!...

— На рояле? Такого со мной ещё не было, — хихикнула в ответ Ева Томашевская тогда, ночью.

Так что теперь, посреди катастрофы отвратительного утра, этот самый чёрный рояль возвышался единственным приятным воспоминанием, словно не сдающийся гордый «Титаник». Может быть, просто сама судьба предъявляла мне такой счёт за потрясающую ночь с шикарной женщиной? Которая с утра опять делала вид, как будто мы едва знакомы, и только восхищённо перебирала розы в букете.

Алёша тем временем торопливо наливал пиво из очередной бутылки в новый бокал, и ещё вытащил из внутреннего кармана белого пиджака чекушку самой простой «Русской» водки, которую явно собирался плеснуть туда же.

— Загороди меня от Евки, — вполголоса попросил он, опасливо поглядывая в сторону Томашевской. И сам отодвинулся к подоконнику, чтобы втихушку приготовить свой отвратительный коктейль.

В номере зазвонил телефон. Ева сняла трубку.

— Василич приехал, пора выметаться отсюда! —скомандовала она. — Алёшка! Собирайся! Пора концерт записывать... — и убежала обратно в спальню. Алёша торопливо заглотил адскую смесь из своего фужера и лихорадочно метался по номеру, пытаясь спрятать пустую бутылку.

Дверь распахнулась, и в гостиную быстрым шагом буквально ворвался ещё один персонаж. Вновь прибывший был полной противоположностью Алёше. Начиная

с комплекции: невысокий крепыш, к любой детали внешности которого отлично подходило слово «мясистый». Нос у него был толстый, щёки изрядно выпирали, суживая глаза и прикрывая часть шеи. Толстые губы были растянуты в радостную улыбку. И даже лысина, обрамлённая на затылке и вокруг ушей короткими кудряшками, бугрилась мясистыми шишками. В отличие от Алёши, мгновенно побледневшего после водки с пивом, его «продюсер» сиял румянцем.

— Ну, здравствуй, что ли, талантище! — ринулся он обниматься с певцом. Уткнулся носом в его белый костюм ровно на секунду и тут же резко отшатнулся. — Пил, что ли, с утра?!

Вся его весёлая энергия словно мгновенно почернела.

— Я тебя убью когда-нибудь, ублюдок, — прошипел крепыш. — Вот только сорви мне запись! Вот только спой плохо. Столько денег вложил, ребят из оркестра подогнал, а ты с утра на кочерге?..

— Только пиво, Василич! Мамой клянусь! Я осознаю ответственность момента... — звучно икнув, принялся врать Алёша. — Тут это, Василич, дело одно, — он оглянулся на меня, взял своего продюсера под локоток и повёл к окну.

Я напряг слух и уловил, как Алёша рассказывает, что «должен парню сотку» и просит «небольшой аванс». Но в ответ «мясистый» Василич только дёрнул локтем и взбеленился.

— Какие деньги?! Ты спой сначала! И так уже должен сколько! Ни копейки не получишь, пока запись не завершим как следует.

И он отошёл в сторону, всем своим видом давая понять, что разговор закончен.

Ловить здесь было больше нечего, а каждая секунда промедления жгла огнём, поэтому я начал потихоньку двигаться в сторону прихожей. Надо было срочно драпать

отсюда. Но тут Алёша некстати взял меня под локоток и сконфуженно забормотал.

— Ты погоди, дружище. Теперь он деньги отдаст, только когда спую. Задолжал я этому кровопийце. Но можно попробовать к обеду уломать его. Тогда уже половина записи будет готова, и я его уломаю. Так что давай — с нами поедешь...

— Куда с нами?! — резко возразила Ева Томашевская. Она дожидалась в прихожей и услышала последние слова Алёши. — Ты совсем сдурел? Запись тайная, квартира конспиративная, а он туда же — зрителей захотел, массовой...

— А я не могу петь, когда никто не слушает! — подчеркнуто капризным голосом заявил Алёша Козырный. — В стенку на обои, что ли смотреть и петь?..

— Ладно, бери своего кредитора, — смиловился Василич. — Пригодится нам за водкой бегать... — и подмигнул мне вполне дружелюбно, прихватив и букет. — Кстати, вы не в курсе, почему столько ментов в вестибюле? Документы проверяют. Вроде какого-то угонщика ловят? — направляясь к выходу, бросил Василич.

Я замер, отлично понимая, какого угонщика пытаются поймать в вестибюле. А потом облава — пойдут проверять номер за номером...

— Ты не слушай их, Серёжа, езжай, куда собирался. Тебе с нами делать нечего, — не успокаивалась Ева. — Нам бы, Василич, как-нибудь незаметно отсюда выскользнуть, а то документов у Алёшки, как обычно, не водится. Давай проскочим через какой-нибудь чёрный ход! У тебя же тут вся администрация в друзьях...

Она слишком настойчиво старалась показать, что я для неё ничего не значу. Якобы забыла, как этой ночью, изгибась в судорогах оргазма, царапала мне спину... А потом, закурив, ещё цинично пошутила: «До чего скользкий инструмент!..» А может, Ева просто опасалась, как бы я не намекнул Алёше про её ночную измену? Но она не учла

некоторых особенностей моего характера. Стараясь «срубить меня с хвоста», она только разбередила моё упрямство, которое в таких случаях заставляет поступить наперекор. К тому же не оставалось другого способа проскочить незамеченным мимо ментов, устроивших рейд в гостинице, кроме как в кампании с ушлым Василичем. Одному спуститься в холл гостиницы было то же самое, что явиться в милицейский участок оформлять явку с повинной.

— Ладно, поехали, — ухватился я за этот шанс немедленно.

И если совсем честно — меня уже грызло любопытство, что за такая тайная запись? И что там за студия? Любопытство подкрепляло и необходимость, и досаду. Меня уже понесла река моей будущей судьбы. Но, удаляясь по ковровой дорожке вдоль широкого гостиничного коридора вместе с новой странной компанией, я ещё не подозревал об этом.

3.

Такси дожидалось нас. Счётчик в машине успел натикать больше пяти рублей. Половину пространства на вместительном заднем сиденье «Волги» занимала гитара. Она была не жёлтого цвета, как я привык, а какого-то тёмно-вишнёвого с чернотой. Я таких никогда не видел.

— «Стратакастер»! — расплылся в блаженной улыбке Алёша. Он юркнул на заднее сиденье и принялся обнимать и нежно ласкать гитару, словно её широкие деки были бёдрами роскошной женщины-вамп. — Василич, ты сберёг!.. — он обернулся к продюсеру, и я с удивлением обнаружил настоящие слёзы на глазах странного певца.

— Ну а как же! — пробормотал довольный и даже немного смутившийся Василич, располагаясь на переднем сиденье.

И тут меня окликнули. Медленно оборачиваясь, я уже знал, что попался. Всё-таки «Волга» стояла на виду, хоть и у бокового входа.

Ко мне спешил Валет. А в отдалении стоял, искоса поглядывая, тот самый вчерашний тип — инструктор обкома, владелец «Жигулей». А рядом с ним молча курил ещё один мужчина, штатская одежда которого была не способна скрыть милицейскую выправку.

— Ну ты наворотил дел! — выдохнул Валет. — Ты же новую машину помял! Ещё и пьяным ездил! Без прав! Ты никого не сбил?.. Теперь тебя точно посадят!..

— Ну, а ты-то что суетишься? Сдал меня всё-таки, не удержал язык за зубами? — зло буркнул я в ответ, не представляя, что теперь делать.

— Да я тебя спасаю! — возмутился Валет. — Мне деваться было некуда. Слушай — если ему компенсировать нормально — моральный и материальный ущерб — я, может, смогу договориться, чтобы он забрал заявление. Только быстро решай! Стоить будет две тысячи, успеешь срочно собрать?

Прозвучавшая сумма придавила меня к земле. В бескорыстное посредничество Валета поверить мог только идиот. Но какие бы свои интересы он не маскировал за дружеской улыбкой, приходилось признать — только Валет мог мне сейчас помочь «отмазаться» от тюрьмы. Не он же меня усаживал вчера за руль «Жигулей»? Расхлёбывать всё это предстояло самому.

— Молодой человек, так ты с нами едешь или нет? — нетерпеливо окликнул меня Василич.

И его окрик только подстегнул моё главное желание — прямо сейчас уехать от проклятой гостиницы свободным, в такси, а не в наручниках.

— Я соберу деньги! Не знаю как, но соберу. Только дайте немного времени, — попросил я.

— К пяти часам мы к тебе домой приедем. Только не вздумай его обмануть. Чтобы все деньги были. Иначе сядешь! — поставил меня перед фактом Валет и заторопился с отчётом к своему «старшему товарищу».

Когда я втискивался на заднее сиденье «Волги», гриф роскошной гитары, занимавшей там всё оставшееся свободное пространство, неприятно боднул меня в висок. А когда такси резко рванулось с места, я стукнулся о гитару второй раз.

— Дорогая гитара? — потихоньку спросил я Еву, стиснутую между нами на заднем сиденье. Сейчас меня особенно интересовало всё вокруг, что стоит денег.

— Кто бы знал? — недовольно отозвалась она, пытаясь сесть посвободнее. — Эту гитару какой-то умелец сделал у нас в Питере. А какая у самоделки может быть цена? Звук у неё и правда хороший, чистый. Единственное имущество, которое имеется у нашей звезды, — съязвила Томашевская. — Как до сих пор ещё не пропил? Наверное, всё-таки не дорого стоит...

— Она всегда ко мне возвращается, — певец всё ещё стискивал инструмент в любовных объятиях, прижавшись к деке небритой щекой.

— А что значит «Стратакастер»? — недоумевал я.

— Да это голый понт! — фыркнула Томашевская. — Услышал где-то, что у Джимми Хендрикса или Мика Джаггера все гитары имеют названия, вот и выдумал наш младенец себе игрушку...

«Волга» мчалась по утреннему летнему полупустому Питеру. Мы быстро проехали весь Невский, почти свободный от машин в этот час, и направлялись куда-то на новую окраину города. Я лихорадочно пытался изобрести способ, как срочно достать столько денег, но ничего не приходило в голову. На встречу с Асланбеком я уже опоздал, так что этот вариант отпадал, по крайней мере —

сегодня. Но даже при удачном стечении обстоятельств сразу две тысячи там было не взять.

Пьяного Алёшу быстро укачало, он сомлел и хватал воздух открытым ртом, как рыба, выброшенная на берег.

— Приоткройте там окно. Чтобы нашего солиста ветерком обдувало, надо ему трезветь, — распорядился Василич, обернувшись с переднего сиденья. — Хочешь, Алёша, настроение тебе подниму?..

И, не дожидаясь ответа, он попросил водителя такси.

— Фёдор, включи, пожалуйста!

Молчаливый водитель пошарил одной рукой у себя под креслом и извлёк оттуда пропылённую магнитофонную кассету с ободранными наклейками. Не отрывая взгляда от дороги, он втиснул кассету в портативный магнитофончик «Весна», зажатый между передними сиденьями, и нажал клавишу.

— Стоял я раз на стрёме! Держался за карман! Как вдруг ко мне подходит незнакомый уркаган... — Из магнитофона раздался искажённый помехами и приглушённый многочисленными перезаписями, но вполне узнаваемый голос Алёши. А затем в ритме танго вступила пронзительная скрипочка.

В зеркальце заднего вида я наблюдал, как водитель улыбается и, скосив глаза, рассматривает — какое впечатление произвел сюрприз на певца.

В этот момент наше такси остановилось на светофоре. А в соседнем ряду затормозил грузовик .

— Послушайте, в КАМАЗе тоже меня крутят! — завопил взбодрившийся Алёша.

Василич открыл пошире своё окно. Я тоже прислушался. Из кабины грузовика, возвышавшегося над нашей «Волгой», доносилась трудноразличимая музыка, заглушаемая фырчанием мотора.

— ...Выпьем за мировую, выпьем за жизнь блатную!.. — напел вслух сияющий Алёша. — В позапрошлом году делали, с ансамблем «Хулиганы»!

— Точно! — согласился Василич.

Загорелся зелёный свет, и КАМАЗ с оглушительным рёвом тронулся с места, обдав нас клубами отвратительно воняющего выхлопа.

— Закройте окна сейчас же! — потребовала Ева, уткнувшись носом в розовый букет.

— Знакомый голос! Вся страна слушает Алёшу Козырного! — польстил Василич, закрывая окошко.

— Слушать-то слушает. А в лицо никто не знает, — посоветовал Алёша. — Ведь, если бы ты Фёдю не предупредил, кого он везёт сегодня, он бы никогда и не узнал. Точно, Фёдор? — спросил Алёша водителя. Но всё равно чувствовалось, что он польщён.

— Радуйся, что никто не знает. А то давно бы уже посадили за блатные песни, — проворчала Томашевская.

Улучив момент, когда никто не видел, я слегка потискал её ногу выше колена. Ева недовольно отдёрнула колено и даже не обернулась ко мне. А такси уже въезжало в один из новых окраинных микрорайонов Ленинграда. Уже пару пятилеток он застраивался одинаковыми панельными девятиэтажками. Здесь повсюду торчали подъёмные краны, а жители были обречены годами пробираться к своим жилищам через непролазную глину бесконечной стройки. У крайнего подъезда одного из таких новых домов и оставилась наша машина. Вопреки традициям новостроек, лифт в подъезде работал.

— Девятый этаж жми! — распорядился Василич. — Место сегодня новое. А то на старой квартире слишком много записывались. Не хочу спалиться.

— Зачем так высоко забрались-то? — Алёша нажал кнопку. Кабина поползла вверх.

— А это чтобы, если менты нагрянут — по крышам уйти можно было, — пояснил Василич. — Шучу!

— Это как американские коммунисты? А Ева у нас будет вместо Анжелы Дэвис... — захотел Алёша. —

Только нашим музыкантам с инструментами трудно будет на крышу вылезать.

— Просто место подходящее, — уже всерьёз пояснил Василич. — Угловая квартира, сверху крыша. И соседи снизу в эти выходные на дачу должны уехать. Значит, мы своим грохотом никого не побеспокоим. Никто не начнёт стучать в ментовку...

— А квартира напротив? — поинтересовалась Ева.

— Стены как следует одеялами завешаем, — пообещал Василич. — Ну и совсем уж идеальных мест у нас в стране не бывает, — добавил он, когда лифт остановился и двери разъехались. — Ты уж постарайся, Алёша, сегодня всё записать побыстрее. Не тяни. А то я музыкантам по времени плачу. Каждый час — стольник. Вот они и не торопятся...

4.

Поперёк большой комнаты примерно на уровне лица были натянуты бельевые верёвки, на которых прищепками были закреплены два настоящих студийных микрофона. А одна из стен была сплошь увешана. Ватными, в отвисших пододеяльниках, и синими шерстяными солдатскими одеялами, даже какими-то ковриками и скатертями. Чувствовалось, что для звукоизоляции этого случайного помещения была использована вся ветошь, которая только оказалась под рукой.

Но не это было главным. На небольшом столике возле подоконника стояло чудо, от вида которого у меня захватило дух. Сверкающий хромированными деталями большой магнитофон «Sony»! Такую аппаратуру в Советском Союзе трудно было найти даже на картинке. А тут магнитофон стоял живой, настоящий, мерцающий огоньками маленьких лампочек и индикаторов!

Я моментально оказался возле этого технического шедевра. Две большие круглые пластиковые бобины: одна с плёнкой, другая — пустая, уже были заряжены. Магнитофон гудел еле слышно, готовый начать запись в любой момент. Со всех сторон к нему стекались многочисленные электрические шнуры. Его хотелось нежно погладить по полированным бокам, словно послушного и сильного диковинного зверя! И я искренне пожалел, что сейчас здесь нет моего чудаковатого дружка Витьки Зяблицкого, чтобы он хоть раз живьём посмотрел, как выглядит то, к чему он должен стремиться, когда паяет «Sony» у себя на кухне.

— Интересуетесь, молодой человек? — спросил Василич. Он тоже не без нежности любовался фантастической японской техникой. — Великолепный аппарат. В Питере таких всего два экземпляра. У меня и у Муслима Магомаева. Месяц назад удалось достать. Как сказано у классиков, «доставлено с таможни, контрабандный товар»... Десять тысяч рублей. Стоит, как «Волга», на которой мы сюда приехали...

— Студийный? — спросил я.

— Полупрофессиональный, — с лёгким сожалением признался Василич. — Но, что особенно важно для качественной записи — многоканальный. Воспроизводит частоты от 20 герц до 18 тысяч — весь звуковой диапазон, который способно улавливать человеческое ухо... — авторитетно заметил подпольный предприниматель. — А вы разбираетесь?..

Я хотел возразить, что диапазон, который слышит человек, на самом деле шире, но не стал. В конце концов, я сюда пришёл не спорить, а смотреть и слушать. А обстановка здесь, что ни говори — поражала.

Целый таз винегрета стоял на полу в углу комнаты. Огромная эмалированная посуда, в таких хозяйки обычно стирают бельё. Впрочем, тут же находился и ящик водки, что многое объясняло.

На продавленном и засаленном диванчике сидело несколько плохо выбритых длинноволосых людей. Одеты они были сплошь в фирменные джинсы и свитера с картинками и иностранными надписями на груди. Но только вся эта совсем не дешёвая одежда была или не стирана, или помята и выглядела крайне небрежно. Нарочитым пренебрежением к дорогим шмоткам эта братия подчёркивала своё отличие от модных фарцовщиков — королей Невского проспекта.

Это были музыканты, на что недвусмысленно указывали инструменты, горой сваленные при входе. Мне показалось знакомым только одно лицо — клавишника, которого я уже видел вчера в «Поганке». В квартире было так накурено, что перехватывало дыхание. А пепел они стряхивали в пустые трёхлитровые стеклянные банки.

Но вот что было совсем удивительно: невзирая на убожество импровизированной студии и подчёркнутую неформальность отношений — здесь витал дух серьёзных денег. Я ощутил это с первых же секунд и насторожился.

Между тем Алёша уже успел поздороваться, похлопать по плечу всех музыкантов, которые яростно обсуждали чемпионат мира по футболу — вчерашний матч Италия-Аргентина.

— И что все носятся с этим молодым аргентинским нападающим? — недоумевал кудрявый и длинный тип, которого все звали Ёсиф. — Вчера этого хвалёного Марадону намертво прикрыли, Аргентина и проиграла! — при этом Ёсиф разливал водку в подставленные гранёные стаканы.

— Стоп! Стоп! — заметил манёвр музыкантов Василий. — Вы что, бухать сюда пришли?! Ну-ка завязывайте, я вам не за это плачу! — грозно объявил он. — Пока первую сторону не запишем — никакой выпивки. Наш солист после вчерашнего и так еле на ногах держится...

— Я в ажуре! — возразил Алёша, не выпуская стакана из рук. — Лучше ты нам объясни, Василий, ты часом не

еврей?.. Хватка у тебя такая деловая... А вот Ёська Шмерзон — чистокровный еврей, но у него никакой хватки. Только как скрипку хватать знает, да водку глушит похлеще иных русских!..

Музыканты рассмеялись.

— Уж хлеще тебя никто не пьёт, Алёша, — разъярился Василич. — Ну-ка все по местам! Живо инструменты настраивать!.. А ты, голуба моя, иди сюда, определимся, что исполнять будем, — он забрал стакан из рук разочарованного Алёши и увёл его в угол комнаты, показывать какие-то исписанные листочки.

Музыканты покорно разобрали инструменты и разошлись по своим местам. Басист подсоединил электрический шнур к гитаре и подошёл к крайнему микрофону. Ударник встал за два небольших плоских барабана. Клавишник так и остался на диване, но подтянул ближе стойку с небольшой электроорганолой.

Между тем Василич и Алёша вдруг громко заспорили.

— Не буду я это петь! — горячо возражал Алёша. — Ну что это: «А на вышке маячит распроклятый чекист»!.. Это же чистая антисоветчина. На наши концерты смотрели сквозь пальцы, пока мы воровской романтикой занимались. А если в антисоветчики запишут — это конкретным сроком пахнет! Я потом в зоновской самодеятельности выступать не желаю!..

— Ну какая же это антисоветчина, Алёша?! — возражал Василич. — Просто классическая лагерная песня: «По тундре, по железной дороге, где мчится поезд "Воркута-Ленинград"»... её столько поколений пело. Ну и потом, у нас же с репертуаром — швах! Одно и то же перепеваем. В одной аранжировке, в другой, в третьей... Вот я и подобрал старые народные песни. Уверен, людям они понравятся, и новый альбом разойдётся на ура. Артисту нельзя надоедать публике, иначе он станет никому не нужен...

Алёша перестал возражать и как-то сник. Только смотрел в окно на строящийся микрорайон с высоты девятого этажа и, словно ребёнок, скрёб ногтем по стеклу. Его белый костюм даже как-то обвис на сутулых плечах.

— А мне, думаешь, не надоело? Столько лет петь «взял я фрайера на гоп»?.. Я уже ненавижу этот блат! Я ведь что угодно могу спеть: романсы, народные песни, эстраду, что хочешь!.. Я ведь артист. А никто не верит. Вот даже ты не веришь в меня...

Мне показалось, что последние слова Алёши кольнули непрошибаемого Василича. В маленьких глазах крепыша дрогнуло мгновенное сомнение.

— Алёшка! Если всё можешь — спой «Яростный стройотряд»?! «И Ленин такой молодой и юный октябрь впереди»!.. — съязвил Ёсиф и ещё попилел смычком по скрипке, издав настолько гнусный звук, что все в комнате сморщились.

— Всё тебе хохмить, Ёсика! — повернулся Алёша.

— Ну, и кто же у нас тут король блатной песни?.. — заискивая, подбодрил Василич.

Певец снял белый пиджак и повесил его на спинку стула. Оставшись в жилетке, сильно ослабил галстук и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Подошёл к центральному микрофону и пошкрябал его ногтем. Убедившись, что техника работает, певец обернулся к Василичу и спросил:

— С чего начинаем? — он уже опять улыбался до ушей. — Чтобы я ушёл из шоу-бизнеса? Не дождётесь!.. — Эти мгновенные перепады настроения были поразительны.

Дальше в комнате началась оглушительная какофония настройки инструментов. А я обратил внимание, что нигде нет Евы. Она оказалось на кухне, где в одиночестве тоже смотрела в окно на микрорайон с высоты и водила пальцем по стеклу. Неожиданно я обнаружил, что и её глаза полны слёз.

— И что, вот на этом люди деньги зарабатывают? — поинтересовался я как будто невзначай. — На таких вот куплетах? «Раз пошли на дело, выпить захотелось»?.. И много за это платят?

— Много, — кивнула Ева. — Алёше за удачный концерт могут несколько тысяч сразу заплатить. Хотя «Жигули» покупай, только он пропивает всё моментально. Василич себе наваривает в несколько раз больше. А сколько зарабатывают те, кто плёнки тиражирует и по стране рассылает — я вообще не знаю, — отрывисто пробормотала она.

Это не укладывалось в голову. Неужели за два часа песен в прокуренной комнате с завешанными одеялами стенами кто-то может заплатить несколько тысяч только певцу?.. Такого способа заработать кучу быстрых и лёгких денег я не мог себе даже представить.

Впрочем, на кухне я оказался не только для решения вопросов коммерции. Я положил руки Еве на плечи. Они слегка вздрагивали. А потом не удержался и провёл руками ниже, по бёдрам. В ответ Томашевская зло дёрнулась, отстранилась, сунула мне в руки всё ту же охашку роз и холодно велела:

— Налей воды в ванну и брось туда, чтобы не завяли!..

А сама ринулась в комнату. И я поразился, как некрасиво искажается её лицо, когда Ева в ярости. Кое-как свалив дурацкие цветы в ванну и включив холодную воду, я устремился за ней.

Ева стояла, уперев руки в бока, загораживая Василичу музыкантов, и пыталась перекричать музыку. Потом она с силой дёрнула за шнуры, которые торчали из драгоценного магнитофона. С пронзительным звуковым глюком микрофоны обесточились. Запись прервалась. Только бас-гитара по инерции ритмично пульсировала на всю комнату. Василич подскочил со своего режиссёрского места, в отчаянии всплеснув руками.

— Ты меня обещал начать записывать! — раздражённо заявила Томашевская. — А стоило Алёшке появиться — меня словно и нету?!.

— Евочка, звезда моя! Ну, тебя же мало просто слушать, тебя же видеть обязательно надо, — урезонивал растерянный Василич. — Ты же красавица...

— Я тоже могу спеть и «Мурку», и «Постой, паровоз», я весь репертуар знаю! — истерично выкрикивала она.

Василич, ласково воркуя, обнял Еву за вздрагивающие плечи, увёл в уголок и явно стал ей что-то обещать. Скрипач Ёсиф тайком кивнул Алёше головой в сторону кухни. Оба потихоньку выскользнули из комнаты. Клавишник, шёпотом выматерившись, подошёл к магнитофону и начал разбираться со шнурами, подключая их обратно.

— Всё, перекур закончен! — объявил Василич, громко хлопая в ладоши. — Ева согласилась исполнить две свои лучшие песни. Она ими будет завершать наш концерт. Чую — это будет великолепная запись, настоящая сенсация!.. Руки чешутся поработать! Алёша, ты где?! Запись пошла!

Из кухни вернулся сияющий улыбкой Алёша.

— Итак!.. — лихо выпалил он, едва успев оказаться перед микрофоном. — Выступает артист ленинградской филармонии Алексей Козырный! С ансамблем из четырёх братьев, — Алёша окинул многозначительным взглядом приготовившихся музыкантов. А Ёсиф к его словам взял несколько нот на скрипке, нежно и зазывно. — И одной пикантной сестрёнки! — продолжил представление Алёша, посылая Томашевской шуточный воздушный поцелуй. — Мне, как всегда неожиданно, принесли новый текст!.. И вот в таком боевом составе мы его сейчас для вас приделаем!.. И-и, начали!

Василич, не отрывая взгляд от индикаторов магнитофона, в восторге ткнул меня локтем в бок.

— Вот оно, начинается! Алёшка поймал кураж! Сейчас он устроит представление! Тебе повезло, нигде больше такого не увидишь...

Запел Алёша действительно классно. С напором, с интонацией, с каким-то скрытым весельем. Так, что даже мне, не большому любителю блатного жанра, вдруг захотелось то ли подыграть ему на гитаре, то ли выбить каблуками чечётку. Но сильнее меня интересовало другое.

— И что, такие записи хорошо покупают? — потихоньку спросил я Василича, наклонившись к самому его уху, чтобы тот меня услышал через грохот музыки.

Содержатель подпольной студии в ответ только неопределённо мотнул голосовой, подкручивая ручки магнитофона.

— Получается — вы продюсер? Как Фрэнк Фарриан у «Бони М»? — польстил я и попал в точку.

— Типа того, — благосклонно отозвался Василич. — Только Фарриан за свою работу имеет миллионы и виллу на Лазурном берегу. А мы в «совке» трудовую копейку зарабатываем вечно под страхом, что посадят за предпринимательство и всё нажитое конфискуют...

— А много плёнок удаётся продать? — не унимался я. — Неужели у нас много любителей блатной песни?

— Все слушают! — словно укоряя меня за «темноту», разгорячился Василич. — Да и не могут такие песни не пользоваться спросом в стране, где каждый второй или сидел, или будет сидеть. Вообще — это самая подлинная народная песня. Она в неволе душу сохраняет... А возьми «Мурку»?! Это же классическое аргентинское танго! Кровь, любовь, измена, и мелодия соответствующая... Или «Очи чёрные»? Это же старинная кабацкая песня!.. А по телевизору у нас только Брежнев Леонид Ильич, а из народного — хор имени Пятницкого, сотня девах в сарафанах и откормленных бугаев! А души в них ни на грош. Мы просто заняли свою нишу. Нас тайком слушать будут

всегда! А сколько плёнок продаётся — даже не знаю. Я делаю оригинал — первую запись, самую ценную. Потом с неё уже другие люди запишут «первую копию» — качество будет чуть-чуть похуже. С неё запишут ещё несколько копий. А дальше — на продажу. И там уже без счёта. Мне говорили, что наш лучший концерт чуть ли не на миллион копий разошёлся! — прихвостнул разгорячённый Василич. — Точно, как у «Бони М»... Нам бы «золотой диск» полагался.

Музыканты, завершая, смачно ударили по струнам. А барабанщик последний раз легонько взбрыкнул палочками по медной тарелке.

— Ну, за первую песню надо выпить! — заявил довольный Алёша.

— Никакой водки! — запротестовал продюсер.

Но теперь музыканты не собирались его слушать. Компания сгрудилась над тазиком с винегретом. Смирившийся Василич тоже подставил стакан.

— Ну, чтобы когда-нибудь и наши записи слушали, как Козина или Утёсова Леонида Осиповича... — провозгласил тост клавишник.

— Не станет никто нас слушать, — рука Алёши с бутылкой дрогнула, и водка пролилась на пол. — А и ладно! Лишь бы лавэ платили за нашу халтуру, — сморщился он, поднося рюмку ко рту.

Я чокнулся вместе со всеми, проглотил свою порцию тёплой водки и зачерпнул винегрет. В этой подпольной компании со странными музыкантами я уже считался своим.

— Потоп! — неожиданно взвизгнула Ева из коридора. — Заливает!

Вода, лившаяся в ванну с розами, действительно уже переливалась через край.

— Быстро убирай этот бардак! — заорал что есть силы Василич. — Не дай бог, соседей снизу затопим, потом проблем не оберёмся.

Я бросился искать тряпку и вытирать пол. Лихорадочно отжимая тряпку в ведро, я прикидывал — успела ли вода просочиться и к соседям снизу? Впрочем, Василич обещал, что нижних соседей не должно быть весь день. А вечером или завтра их ждёт сюрприз!

Тем временем запись продолжалась. Ансамбль лихо прогремел очередную разухабистую песенку. Потом ещё одну. В нагретой июньским солнцем комнате было уже невыносимо душно. Окна не открывали из-за шума. Музыканты вышли в кухню на перекур, и я увидел, как Ёсиф, достав из шкафчика бутылку, тайком подлил внеочередную порцию водки жутко бледному Алёше. Тот неловким движением поднял рюмку, подавился, и часть водки вытекла обратно из уголка его рта на белую жилетку. Пошатываясь, певец направился в комнату.

— Совсем исчерпался Алёшка, — философски произнёс вслед клавишник. — Когда в 75-м лучшие первые концерты записывали, у него язык начинал заплетаться только на последней четверти записи. Ещё год назад он половину плёнки мог нормально записать. А теперь вот — уже двух песен не тянет, срубается...

— Неинтересно ему, — посоветовал Ёсиф.

Когда все вернулись в комнату, у магнитофона сидел в одиночестве безутешный Василич.

— Спит Алёша! В соседней комнате за шкафом, — пояснил он и выматерился. — Сморило его, говорит. От жары, говорит... С самого утра квасить начал, алкоголик, сволочь!

— Он теперь часа два или три проспит как убитый, — оценил клавишник. — Что делать будем, Василич? Можно подождать, пока он проспится, но до вечера мы тогда записаться не успеем точно.

Музыканты были недовольны, но отнеслись к происходящему как к какому-то неизбежному злу.

— Никого не будем ждать! — отрезал Василич. — Вот уже где стоят его закидоны, — он чиркнул ладонью себе по

шее. — У нас новая звезда есть. Вырастили, можно сказать, в своем коллективе... Евочка, давай тебя писать, как договаривались, — предложил он.

Однако Томашевская никак не отреагировала, даже не посмотрела в его сторону. Она сидела в уголке дивана и внимательно рассматривала покрашенные алым лаком ноготки.

— Евочка, душа моя, давай? — заискивающе попросил Василич.

— И не подумаю! — вскинула она на продюсера кинжальный взгляд. — Ты предложил только две песни — я согласилась. А на весь полуторачасовой концерт — я не подписывалась!.. Если теперь я единственная солистка — плати по другой цене!

Василич побагровел. Он подошёл к Еве, и они принялись громко шептаться. До нас доносилось сердитое: «...да где видано... даже Алёша столько... никогда...».

— Сейчас Евка его... — один из музыкантов криво ухмыльнулся и изобразил неприличный жест, означающий полное сексуальное доминирование.

— Деваться некуда. Алёша срубился, заново всё организовать ему дороже будет. Попал наш Василич. Зря он с Евкой того... потискался... — резюмировал язвительный Ёсиф, с тоской поглядывая в сторону кухни, где в спрятанной бутылке, видимо, ещё что-то оставалось.

Капитулировав, красный от гнева Василич вернулся на своё место. Ева деловито подлетела к микрофону с тем удивительным достоинством и изяществом, которые так поразили меня вчера. Музыканты молча потянулись к инструментам.

— Сейчас начнём запись, — пообещал Василич. — Только сначала надо свести счёты с одной гадюкой, которая нам всё испортила.

Набычившись, он двинулся в сторону заволновавшегося Ёсифа. Казалось, что на побагровевшей лысине

подпольного продюсера даже мясистые желваки ходуном заходили от бешенства.

— Спойл Алёшку, сволочь! — прорычал Василич, продолжая наступать. — А сам дальше преспокойно музицировать собрался?

— Василич, ты это... хоть сколько-нибудь заплати!.. — мгновенно оценив ситуацию, Ёсиф начал быстро-быстро убирать в футляр свою скрипку.

— Сейчас ты у меня получишь расчёт! — заорал продюсер, хватая скрипача за воротник. — Сейчас!

Василич был гораздо ниже длинного Ёсифа и, чтобы удержать его за шкирку, должен был сильно вытягивать руку вверх, но никому из присутствующих это не показалось комичным — такую ярость источал мясистый продюсер. Он выволок покорного Ёсифа в прихожую, видимо, намереваясь дать ему там пинка под зад и выгнать без копейки. Но в дверь кто-то принялся неистово звонить.

— Откройте, милиция! — раздались крики снаружи.

Замерли все, даже Василич. Музыканты в панике переглядывались. Ева небрежно пожала плечами.

— Доигрались! — зло бросил Василичу клавишник. — Новое место! Вот оно, твоё новое место! Теперь ещё инструменты конфискуют.

Продюсер наконец выпустил из рук воротник провинившегося скрипача и с нескрываемой тоской перевел взгляд на дорогущий магнитофон.

— Немедленно открывайте, иначе ломаем двери! — раздавались властные крики с лестничной клетки. — Это сопротивление работникам милиции!..

— Вы же хотели уходить по крышам, как Анжела Дэвис с американскими коммунистами? — съехидничал я, не удержавшись.

Василич только махнул рукой с горькой неопределённостью. Но тут я сам спохватился. Мало того, что в двенадцать часов пропустил важнейшую деловую встречу

с Асланом. Но сейчас-то было вообще уже около трёх! А значит, через пару часов Валет и тот — потерпевший инструктор обкома — будут стоять под дверями моей квартиры в ожидании денег. И мало того, что я до сих пор не придумал, где взять две тысячи. Если я вовремя не появлюсь — другой возможности договориться уже не представится. Дальше уголовное дело об угоне — и кончено! А ведь сейчас меня заберут в милицию со всей этой компанией.

Только в этот момент я осознал ужас своего положения. Сейчас ведь никто не станет разбираться, что я тут посторонний. В записи не участвовал, а только зашёл на полчаса из любопытства. Но кому это теперь докажешь?

— Ну, чего стоите? — спросила Томашевская. — Откройте! Или мне самой?

И через пару секунд в комнату ворвалось много людей. Я никогда в жизни не видел, чтобы столько милиционеров сразу набилось в одну квартиру, причём все они почему-то оказались щуплые и невзрачные, худые руки торчали из коротких рукавов летней формы... А между ними шныряли люди в обычных семейных майках, растянутых и провисших подмышками. И по злорадному блеску глаз в них угадывались соседи. Измученные шумом и готовые стать понятыми по первому зову социалистической законности. А то, что соседка, громогласнее всех требовавшая справедливости, в руках держала ведро с грязной мокрой тряпкой, не оставляло никаких шансов. Похоже, Василич ошибся, нижние соседи никуда не уехали. Впрочем, теперь уже было всё равно.

Последним в комнату зашел милицейский начальник изрядных габаритов. Он один был размером больше пары заморышей-сержантов. Отдуваясь, начальник снял фуражку и окинул странное помещение подробным взглядом. При этом он неторопливо вытирал платком пот со лба, мастерски держал паузу, не выдавая удивления.